

— ИЛЬЯ ИГНАТОВ —

НАЗАД В 1991

ВТОРОЙ РАЗ
НЕ ОБЛАЖАЮСЬ

Илья Игнатов

**Назад в 1991. Второй
раз не облажаюсь**

«Автор»

2026

Игнатов И.

Назад в 1991. Второй раз не облажаюсь / И. Игнатов — «Автор», 2026

Мама ругает меня за невынесенный мусор. А я стою посреди кухни и едва не реву. Вчера мне был шестьдесят один. Сегодня — двадцать шесть. Родители живы, отец опять чинит часы, а за окном — июль 1991-го. Я помню будущее и уже прикидываю, как стать миллионером. Правда, в кармане двадцать семь рублей, мы с Геной по уши в долгах, а кредитор ждать светлого будущего не собирается. Лучшему другу это не мешает готовить очередную «сделку века». Мне бы ещё пережить предыдущую. Но самые дорогие ошибки я совершил не с деньгами. Я помню беду, которая грозит отцу. А женщина, в которую я влюбляюсь, не собирается ждать, пока я заработаю достаточно для счастья. Впереди — распад Союза и лихие девяностые. У меня есть шанс переиграть свою судьбу. Только если снова решу, что близкие подождут до следующей удачной сделки, знать будущее уже не понадобится. Я просто повторяю свою первую жизнь.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Илья Игнатов

Назад в 1991. Второй раз не облажаюсь

Глава 1

— Миша, ты до обеда собираешься спать? Мусор сам себя не вынесет!

Мама. Я открыл глаза и боялся повернуть голову. Если повернусь, голос исчезнет. Останется будильник, серая стена съёмной квартиры и поясница, с которой каждое утро приходилось договариваться отдельно.

— Михаил! Я с кем разговариваю?

В стену за моей головой ударили чем-то твёрдым. Трубой пылесоса, кажется. В этом месте мама всегда цепляла обои, а потом говорила, что их ободрал я.

Обои были на месте. Коричневые ромбики, в каждом — маленькое золотое солнышко. У стены стоял шкаф, на котором я когда-то процарапал «М+Л». Люба впоследствии вышла за другого. Шкаф пережил наши чувства значительно успешнее.

Я сел.

Спина молчала.

Сел ещё раз, уже намеренно: лёг, поднялся, повернулся вправо. Ничего. Ни прострела, ни хруста, ни привычного ощущения, будто ночью кто-то заменил позвоночник плохо смазанной велосипедной цепью.

На мне были синие трусы. Колени — собственные, только без тех некрасивых складок, к которым я давно привык. Руки крепкие, пальцы без припухлостей.

Я потянулся к тумбочке за телефоном.

Телефона не было.

Лежали наручные часы, расчёска и половина газетного листа. Сверху — ключи на кольце с пластмассовым футбольным мячом. Этот мяч я помнил. В девяносто третьем он треснул, и я выбросил его возле вокзала.

Тогда мне было двадцать восемь.

Последнее, что я помнил, относилось совсем к другому возрасту. После работы я поел, открыл на телефоне фотографии каких-то приморских гостиниц, решил, что ехать сейчас дорого, и уснул прямо поверх покрывала. Шестидесят один год, умеренно полезный сотрудник, два шкафчика одежды и чайник, который приходилось выключать рукой. Никаких ярких вспышек. Даже сердцем прихватить не успело.

Теперь на стене висел календарь с речным вокзалом.

Я встал так быстро, что ударился бедром о стол. Боль оказалась великолепная: короткая, молодая, без последствий на три дня.

На календаре оставалось: «13 июля. Суббота».

Внизу — 1991.

— Господи, — сказал я.

— Он мусор тоже не вынесет, — отозвалась мама из коридора.

Я вышел к ней. Она была в зелёном халате. Пятьдесят один год, каштановые волосы с первой сединой у висков, очки на цепочке. В руках — совок, на лице — вполне заслуженное недовольство. Я видел её такой последний раз не вчера. Не год назад. Не десять. Мама посмотрела на меня, и выражение её лица изменилось.

— Ты чего?

Я обнял её. Осторожно сначала, будто можно сломать. Потом прижал к себе и закрыл глаза. Пахло стиральным порошком, кремом для рук и нашей кухни. Этот запах никакая

память не могла вернуть целиком. Она всё время подсовывала отдельные картинки: мама у окна, мама с сумкой, мама в больнице. А сейчас я уткнулся в её волосы и впервые за много лет не мог придумать, что сказать.

— Мишенька?

Она коснулась моей спины.

— Что случилось?

— Ничего, мам.

— С Генкой поругался?

— Нет.

— Деньги нужны?

Я засмеялся ей в плечо. Смех вышел такой, что она встревожилась ещё сильнее.

— Нет, мам. Просто...

Я отпустил её. Простых объяснений для случившегося не было. Сложные объяснения она слушала хуже, особенно когда на полу лежал мусор.

— Хорошо выглядишь.

— Так ты глаза открыл недавно. Погоди до вечера.

Из кухни вышел отец с отвёрткой в руке.

— Что за концерт?

Павел Корнеев, пятьдесят два года, грудь колесом, небольшое брюшко и вечное убеждение, что исправный предмет не должен издавать никаких звуков. Он снова разбирал настольные часы. Эти часы у нас то отставали, то убегали. Отец считал это личным вызовом. Я обнял и его. Он застыл, отодвинув руку с отвёрткой.

— Валя, — сказал он поверх моего плеча, — проверяй, что пропало.

— Пап.

— Что, пап? Ты меня последний раз так обнимал, когда на мотоцикл просил.

Живой. Тёплый. С коротко стриженной шеей. Я помнил его с палочкой, потом без зубов, потом уже на фотографии, где он навсегда остался сердитым. На фотографии можно было сколько угодно обещать, что теперь станешь внимательнее. Она не спорила. Отец спорил сразу.

— Ладно, хватит, — сказал он. — Раздавишь. Лучше ведро возьми.

Я вынес мусор.

Так началась моя вторая жизнь.

На лестнице я едва не поскользнулся, потому что решил перепрыгнуть последние две ступеньки. В двадцать шесть лет организм считает такие предложения нормальными. В шестьдесят один разум успевает составить завещание ещё во время прыжка.

Я приземлился благополучно.

Двор встретил меня тёплым воздухом, запахом тополиных листьев и звоном ложки о стакан. На лавочке сидел сосед с первого этажа, дядя Боря. В новой жизни он ещё не пил из горлышка, а аккуратно размешивал чай.

— Доброе утро, спортсмен.

— Доброе.

— На работу не надо?

Я остановился у мусорных баков.

Вот это был отличный вопрос.

В июле девяносто первого я работал в снабжении автотранспортного предприятия. Или уже ушёл? После армии устроился через отца, ездил за деталями, ругался со складами. Потом надоело получать меньше, чем хотелось, и мы с Генкой...

С Генкой.

Я опустил ведро.

Память возвращалась не стройным списком. Она была больше похожа на кладовку, где знакомые вещи лежат под чужими. Открываешь дверцу — получаешь по голове чемоданом.

Мы с Геной покупали какую-то технику.

Дёшево.

Очень дёшево.

В этом возрасте слово «дёшево» заменяло нам и осмотр, и здравый смысл.

Я вернулся в квартиру и первым делом проверил карманы брюк. В них обнаружили двадцать семь рублей, смятая квитанция, две монеты и адрес, написанный на пачке от сигарет. В ящике стола — паспорт.

С фотографии смотрел парень, который ещё не понимал, насколько легко потратить жизнь на подготовку к жизни.

Михаил Павлович Корнеев. Пятое февраля тысяча девятьсот шестьдесят пятого года.

Тверь в паспорте ещё называлась Калинином. Город переименовали, мой документ не поспел. Я провёл большим пальцем по бумаге и усмехнулся: мало того что молодость вернулась, так ещё и паспорт менять не пришлось.

Мама поставила на стол тарелку.

— Ешь. Пока опять куда-нибудь не убежал.

В тарелке была яичница. Два яйца, помидор, кусок хлеба. В своей прежней квартире я мог заказать еду из пяти ресторанов. Здесь сел перед этой тарелкой и едва не расплакался во второй раз. Потом попробовал хлеб.

— Ты чего смотришь?

— Вкусно.

— Хлеб как хлеб.

— Всё равно.

Она присела напротив.

— Миша, я тебя спрашивать не буду. Когда захочешь — скажешь. Только не давай нам с отцом узнавать от чужих людей.

Я перестал жевать.

— Что узнавать?

— Ты сам лучше знаешь.

Молодость, как оказалось, вернулась вместе с чужими подозрениями, которые молодой я заслужил самостоятельно.

Я оглядел кухню. Банки у стены, клетчатая клеёнка, радио на подоконнике. На стекле шкафа ещё держалась переводная картинка: зайчик с морковкой. Я смотрел на неё и постепенно начинал верить.

Можно купить доллары. Можно подождать с государственными сбережениями. Можно заранее понимать, что станет дорогим, чего не будет, за что люди готовы платить. Интернет, компьютеры, недвижимость...

Я остановился на слове «интернет».

В кармане двадцать семь рублей. Даже будущий миллиардер сначала должен как-то оплатить поездку на автобусе.

Зато я помнил людей. Склады. Разговоры. Места, куда мы приходили на полгода позже, чем следовало. Я помнил, как на морозе бегал за простым расходником, который летом никому не был нужен. Помнил московского кооператора, у которого потом покупал половину ассортимента. И помнил Гену — живого, здорового, ещё без той хромоты.

По крайней мере, с ним можно было начать раньше.

— Ты работу-то искать будешь? — спросила мама.

Вот и ответ на первый утренний вопрос. Я уже уволился.

— Буду.

— А с этим своим предприятием?

— Разберусь.

— Ты в прошлый раз так говорил.

— В прошлый?

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Вчера, Миша.

В прихожей раздался звонок. Два коротких и один долгий. Гена. Я поднялся, уронил ложку, поймал её на лету и удивился собственным рукам. Мама удивилась другому.

— Вот с утра нормально проснуться не можешь, а как Рыжий пришёл — сразу полетел.

В дверь вошёл Геннадий Рыжов. Красивый рыжеватый парень с широкой улыбкой, которая позволяла ему одалживать деньги даже у людей, пришедших за своими деньгами.

Под мышкой у него был небольшой телевизор.

— Привет, Валентина Сергеевна. А Мишка встал? О, встал. Слушай, хорошая новость.

Я взял его за плечи. Он моргнул.

— Ты чего?

— Рад тебя видеть.

— Мы вчера виделись.

— Всё равно.

Гена посмотрел на маму. Мама пожала плечами.

— Он сегодня всех обнимает. Телевизор проверь.

Мы прошли в мою комнату. Гена поставил телевизор на стол и вытер лоб.

— Там ещё четыре коробки внизу. Я один не потащу.

— Какие коробки?

— Наши. Какие ещё? Сазонов велел освободить место. Сказал, раз товар приняли, хватит хранить у него.

Имя толкнуло память. Аркадий Сазонов. Белая рубашка с закатанными рукавами. Медный голос — приятный, пока он не произносил твою фамилию. Потом собственный магазин, потом мы окончательно разошлись. Но сейчас...

— Гена, сколько мы ему должны?

Улыбка ушла с его лица.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно.

Он достал бумагу. На ней стояли две наши подписи и сумма: две тысячи четыреста рублей. Срок — тридцать первое июля. Я взял расписку. Последний рабочий день этого месяца. В молодой жизни даже долги любили красивую дату.

— А сколько заплатили?

— Тысячу ты, тысячу триста я. Остальное до конца месяца. Миш, ты вчера головой ударился?

— Возможно.

— Сильно?

— Последствия пока изучаю.

Я посмотрел на телевизор. Потом на Гену.

— Что у нас есть?

— Телевизоры, магнитофоны, видеомагнитофон. Второй не совсем. Кассеты, шнуры, переходники. Ты же видел.

— Видел. Теперь хочу увидеть внимательнее.

— С чего бы?

На этот вопрос имелся ответ длиной в тридцать пять лет. Я выбрал короткий.

— Потому что до конца месяца восемнадцать дней.

Гена облокотился на шкаф. Он умел делать вид, что время работает на него. Даже когда время уже собирало вещи.

— Всё нормально. Сазонов говорит, на одну видяшку покупатель найдётся — и половину отобьём.

— Она работает?

— Он говорил, что работала.

— Когда?

— Ну...

Гена посмотрел на телевизор. В этой паузе поместились наши будущие проблемы. Я вскрыл заднюю дверцу небольшого шкафчика, достал старую сумку и сунул туда паспорт. На дне лежала пачка фотографий. Взял верхнюю: мы с Геной на речном берегу, мокрые, довольные. Он показывал в камеру два пальца. Я держал бутылку лимонада. Гена заглянул через плечо.

— Отлично тогда посидели.

— Да.

— Ещё посидим. Только товар скинем.

Я повернул фотографию лицом вниз. Ещё посидим. Так мы говорили всю молодость. Потом у одного случалась работа, у другого ремонт, у третьего похороны. Продавали, покупали, торопились. Время на хорошую жизнь собирались выделить, когда станет легче. Легче так и не стало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.